М. Ю. Матвеев

В борьбе за читателя: причины неудач народных библиотек: конец XIX – начало XX в.

В статье рассматривается деятельность народных библиотек, существовавших в России в конце XIX – начале XX в., и перечисляются основные факторы, препятствовавшие их развитию и привлечению значительного числа читателей. Ключевые слова: народные библиотеки, Российская империя конеца XIX – начала XX в., чтение народа

Mikhail Y. Matveev

In the struggle for the reader: the causes of failures popular libraries: late XIX – early XX century

The article describes the activities popular libraries that existed in Russia in late XIX – early XX century and the major factors that impede their development and attract a significant number of readers.

Keywords: popular libraries, the Russian Empire in the end of XIX - beginning of XX century, reading people

Одной из самых запутанных и неразрешимых проблем, с которой сталкивались учредители народных библиотек – земства, городские думы, просветительные общества и частные лица, заключалась в крайне медленном развитии подведомственных им учреждений: привлечь к себе сколько-нибудь заметное число читателей они не могли. Этот факт неоднократно отмечался в дореволюционной печати, но единой точки зрения относительно создавшейся ситуации так и не сложилось. Различия во мнениях во многом объяснялись тем, что читатель из народа и в 1890-х, и в 1900-х гг. являлся для исследователей «таинственным незнакомцем»¹, а сведения о читательских запросах представляли собой «хаос противоречивых мнений»². В целом практически все просветители-интеллигенты от С. А. Ан-ского (Раппопорта) до Н. А. Рубакина полагали, что для полной характеристики народного читателя достаточных сведений все же не было собрано³. Оставалась непроясненной и причина постепенного «ухудшения литературных вкусов»: «В народном чтении... нетрудно усмотреть что-то чрезвычайно странное и загадочное, как загадочно для нас многое в народной жизни... Настоящего массового читателя нет, а есть случайное массовое почитывание»⁴.

Первый Общеземский съезд по народному образованию (1912) констатировал, что наиболее многочисленные народные библиотеки – земские – не оказывают заметного влияния на уровень просвещения в России: «Устраиваются народные библиотеки, наполняются хорошими книгами, лучшими произведениями родных писателей, а народ в библиотеки мало ходит, книг этих почти не берет и совсем ничего не читает, или читает что-то свое, достает где-то там из другого источника»⁵.

В принципе то же самое можно было сказать и о всех прочих разновидностях народных библиотек. В одном из лучших дореволюционных исследований деятельности общедоступных книгохранилищ – работе П. Жулева – особо подчеркивался тот факт, что «читательство не идет вглубь, не проникает далеко в народную толщу, а стоит на одной точке, делая небольшие колебания то в сторону повышения, то в сторону понижения» 6. Наглядно это можно представить в виде следующей таблицы?:

На одну библиотеку, в среднем	Годы					
	1904	1905	1906	1907	1908	1909
Число читателей на абонементе	1565	1528	1523	1553	1580	1580
Посещаемость читального зала	10572	10538	9771	9101	9260	9885

Из приведенных данных следует, что деятельность народных библиотек не претерпела заметных изменений даже за весьма бурные годы российской истории. Среднее число чи-

тателей на одну библиотеку (с учетом всех их разновидностей, а также того факта, что большинство из них составляло маленькие сельские библиотеки) выражалось в следующих цифрах:

в 1904 г. оно равнялось 111 человекам, в 1906 г. – 118, в 1908 г. – 118, в 1909 г. – 108, в 1914 г. – 124. При этом во многих губерниях данный показатель был еще ниже: в 1914 г. в Московской губернии на одну библиотеку приходился 101 читатель, в Тверской – 96, в Саратовской – 92, в Новгородской – 78, в Тамбовской – 96, в Вологодской – 60. В Харьковской губернии читатели составляли 5% населения, в Московской – 3%, в Вологодской, Новгородской и Херсонской около 2%, в Пермской – 1,3%, в Уфимской – 1,2% в Читаемость составляла 8,5 книг на одного читателя, хотя в ряде губерний не было и этого (в Тамбовской – 5,9, в Екатеринославской – 2,5, в Новгородской – 1,7) в

В 1909–1911 гг. народными библиотеками на селе пользовались всего 2,9 % всего сельского населения (около 3 млн чел.), хотя грамотных крестьян было не менее 20 %, а общая грамотность в Европейской России доходила до 30 %¹⁰. В 1914 г. одна земская народная библиотека в среднем имела всего 700 книг и 150 читателей, а выдача составляла 1300 томов¹¹.

Причины создавшегося положения не сводились к какому-то одному фактору и затрагивали самые разные стороны организации деятельности библиотек и жизни народа.

Одним из важнейших факторов, тормозивших деятельность народных библиотек, являлись правовые условия их существования. В 1890 г. министром внутренних дел И. Н. Дурново были изданы «Временные правила для библиотек, находящихся в ведении Министерства внутренних дел». Ими предусматривался надзор за библиотеками со стороны священников или лиц учебного ведомства, выработка устава библиотеки, ходатайство перед губернатором об открытии библиотеки и пополнение книгами только по каталогам Министерства народного просвещения 12. В несколько лучшем положении, чем другие народные библиотеки, находились библиотеки попечительств о народной трезвости, для которых были созданы специальные правила от 13 июня 1902 г. Согласно этим правилам, библиотекам попечительств не нужно было разрабатывать проекты уставов и направлять их на утверждение губернатору. На практике, однако, губернаторы требовали соблюдения правил 1890 г. и для этих библиотек¹³. Не подчинялись правилам 1890 г. только народные библиотеки Духовного ведомства.

По данным Тульского земства, из всех существующих к концу 1890-х гг. названий книг для народных библиотек были доступны только 3–3,5%, а из периодических изданий – 17% 14. В 1899 г. Ученый комитет Министерства народного просвещения разрешил к обращению в на-

родных библиотеках 285 сочинений, в 1900 г. – 486, в 1901 г. – 659, в 1902 г. – 835, в 1903 г. – 903. По отдельным ходатайствам с мест в 1903 г. было допущено еще более 2 тыс. наименований, но без занесения их в имевшиеся библиотечные каталоги 15 .

Отменены правила 1890 г. были только 2 декабря 1905 г. для внешкольных библиотек и 28 февраля 1906 г. для библиотек, находившихся при школах¹⁶. В 1906 г. министром народного просвещения И. И. Толстым были изданы новые правила, согласно которым народные библиотеки были подчинены правилам о публичных библиотеках, что значительно облегчило их положение и дало возможность пополнять фонды более разнообразной литературой¹⁷.

В 1912 г. последовало новое ухудшение положения народных библиотек в связи с изданием министром народного просвещения Л. А. Кассо правил о пришкольных библиотеках. Согласно этим правилам, народные библиотеки при низших учебных заведениях могли открываться с согласия директоров учебных заведений и с разрешения уездного училищного совета, причем эти библиотеки переходили в полное распоряжение учебных заведений. Набор книг для народных библиотек при школах снова стал определять Ученый комитет Министерства народного просвещения, а проверка каталогов возлагалась на инспекторов народных училищ18. Земства после этих правил вынуждены были закрыть пришкольные библиотеки и открыть новые вне школ, так чтобы они формально находились в собственном помещении¹⁹. Положение, сложившееся в это время, в печати именовалось не иначе как «полный разгром народных библиотек». И действительно, ситуация была трагической. Так, например, в Уфимской губернии были закрыты 664 библиотеки, в Вятской – 220, в Нижегородской из библиотек было изъято более 50% всех имеющихся книг, в Киевской губернии разгромлены полицией все 100 имеющихся там павленковских библиотек и т. д. Некоторые уезды (например, Опочецкий Псковской губернии) вообще остались без общедоступных библиотек²⁰. В 1915 г. новым министром народного просвещения П. И. Игнатьевым эти правила были пересмотрены, но существенного улучшения положения библиотек не последовало. Согласно правилам 1915 г., земству возвращалось право собственности на пришкольные библиотеки, но состав книг в них остался такой же, т. е. каталоги для народных библиотек не были отменены 21 .

Скудный выбор книг, обусловленный существовавшими ограничениями, естественно, влиял и на количество читателей: практически

во всех народных библиотеках отмечалась «чрезвычайная текучесть читательского состава» – из каждой за год выбывало не менее 40–50% читателей²². Тем не менее наличие правил о народных библиотеках не объясняло всей картины: в те годы, когда они работали по правилам о публичных библиотеках, существенных изменений, как явствует из приведенной выше таблицы, все-таки не произошло. Кроме того, читателей-самоучек, которых фонды народных библиотек быстро переставали удовлетворять, было немного, и, следовательно, дело заключалось не столько в бедности фондов, сколько в непостоянном характере спроса у основной массы читателей²³.

Следующий неблагоприятный для деятельности библиотек фактор заключался в том, что их учредителям противостоял мощный стереотип недоверчиво-недоброжелательного отношения к книге и чтению. Так, решение об открытие библиотеки сельским обществом решалось на сельском сходе, а представленные на нем старики часто бывали неграмотны. Применительно к земским библиотекам ситуация была не лучше: народ еще надо было убеждать, что эти учреждения выдуманы вовсе не для того, чтобы «увеличить подати»²⁴, и что они – «не пустая барская затея, вызванная минутным увлечением»²⁵. Последнее утверждение, кстати, имело под собой определенные основания: новый состав земского собрания мог без колебаний закрыть существующие библиотеки с целью «сокращения сметы непроизводительных расходов»²⁶. «Барская затея» влекла за собой и курьезные (хотя на самом деле – вполне логичные) последствия: крестьяне не решались заходить в библиотеку и читать книги просто потому, что боялись попортить казенное имущество.

Так или иначе, но отношение населения к народным библиотекам в целом было весьма противоречивым. С одной стороны, не менее 80% жителей любой губернии ничего не имели против их открытия, но, с другой - «...глубоко въевшееся в народную жизнь недоверие ко всем благим мерам и начинаниям, откуда бы таковые ни исходили, заставляющее относиться крестьян и ко всем новым проявлениям этой заботливости с большой осмотрительностью, – сказалось также и на отношении народа к библиотекам»²⁷. Во всяком случае, даже в тех населенных пунктах, где имелись сравнительно неплохо организованные библиотеки, количество читателей было невелико и не превышало 6,4% от общего числа жителей селения²⁸. Выводы о том, что «надо не только устраивать "библиотеки для народа" – надо, чтобы и народ считал их своими», звучали в российской прессе вплоть до Первой мировой войны и революции 1917 г. 29

На деятельность народных библиотек оказывала влияние и конкуренция со стороны лубочной литературы, имевшей гораздо более длительную историю и традиции: книгоноши-офени, умеющие убеждать и отлично знающие запросы народа, распространяли печатные издания даже в тех «медвежьих углах», где никаких библиотек не существовало. При этом распространение лубочной литературы не всегда ограничивалось простой продажей: ее непосредственные разносчики зачастую давали имевшиеся у них книги на прочтение за несколько копеек в сутки. Таким образом, получалась своеобразная передвижная коммерческая библиотека для простого народа, и упомянутая выше конкуренция в целом напоминала ту, которая существовала между публичными библиотеками «для интеллигентной публики» и частными библиотеками для чтения.

Далее необходимо отметить тот факт, что крестьяне могли в складчину выписывать книги и газеты без официального открытия библиотеки. Существовали также «странствующие чтецы», за определенную плату читавшие неграмотным книги³⁰. Много было и тайного чтения книг из помещичьих библиотек, когда книги через прислугу попадали в народ³¹. Кроме того, некоторые крестьяне могли давать своим односельчанам книги за определенную плату: «...стал давать книжки на прочтение, по одной копейке в сутки... И дело это ходко пошло, особенно осенью, когда народ с хлебом поуправился, так что и книг стало не хватать, не успеет один принести книжку назад, как другой ее берет»³². Таким образом, народные библиотеки были не единственным способом проникновения книг в народ, даже если не учитывать лубочную литературу и чтение в пивных и кабаках, в которые, в отличие от народных библиотек, могли выписываться любые из выходивших в России

Играли свою роль и социальные, экономические, демографические и психологические факторы. В одних случаях на деятельность библиотек влияла разбросанность и малочисленность населения (при том, что большинство читателей жило на расстоянии, не превышающем 1,5–2 верст от библиотеки), в других – то, что называлось «инородческим составом населения» (в Уфимской, Таврической, Симбирской и других губерниях). Жители иных национальностей были или совсем неграмотны, или не понимали порусски. В свою очередь, в некоторых волостях и даже уездах Владимирской, Костромской, Рязанской и Тверской губерний все взрослое мужское население уходило «на сторонние заработ-

ки» в города или другие губернии, и открывать библиотеку было не для кого, так как грамотность у женщин была еще ниже, чем у мужчин. В ряде мест отмечалось противодействие старообрядцев, которые решительно выступали против открытия библиотек (в Пермской, Костромской, Псковской и других губерниях)³³.

Имелись недостатки и в организации работы самих библиотек. Так, с течением лет накапливались факты, свидетельствовавшие о том, что лица, исполнявшие обязанности библиотекаря (а ими чаще всего были учителя и священники), эффективно заведовать народной библиотекой не могли, причем это относилось даже к тем случаям, когда библиотека располагалась непосредственно при земской или церковноприходской школе. Понять создавшуюся проблему было непросто даже в начале ХХ в. Действительно, учителю и священнику в тех условиях было вполне естественно заведовать и народной, и школьной библиотекой, поскольку других «любителей библиотечного дела» среди представителей интеллигенции находилось очень мало – тем более таких, которые бы уважались местным населением³⁴. Вполне логичным представлялся тот довод, что начатки библиотечной работы необходимы любому преподавателю в его профессиональной деятельности. Однако и у священника, и учителя было мало времени, чтобы заниматься библиотечным делом, в результате начинались упущения или в школе с церковью, или в библиотеке. Большинство народных библиотек при школах работало не каждый день (чаще всего по выходным или, в лучшем случае, 2-3 раза в неделю), а на время летних месяцев они закрывались вместе со школьными библиотеками, в результате чего б□льшая часть сельской местности вообще оставалась без библиотечного обслуживания. Ситуацию не могли изменить даже финансовые вливания учредителей: показатели работы библиотек не менялись к лучшему, а вот обратная ситуация наблюдалась не так уж и редко.

В еще большей степени сказывалось то, что в настоящее время назвали бы имиджем: размещение народной библиотеки при школе в целом негативно сказывалось на ее посещении взрослым населением, и она рано или поздно оказывалась в положении еще одной ученической. Вопрос о том, как сблизить друг с другом школьное и внешкольное образование, стоял очень остро, но его однозначного решения так и не было найдено. Учитывая открытие перед революцией земствами и частными лицами народных домов, можно предположить, что внешкольное образование скорее дистанцировалось от школы, чем сближалось с ней.

Впрочем, расположение библиотек вне школ тоже имело свои особенности. Так, например, если городские управы открывали народные библиотеки в центре города, то посетители из простонародья заходить туда просто стеснялись. То же самое относилось и к земским библиотекам при волостных правлениях, которые крестьяненедоимщики вообще обходили стороной³⁵.

Противоречивым был и широко практикуемый губернскими земствами принцип долевого финансирования, который понимался довольно своеобразно: они могли откладывать определенные суммы на открытие библиотек, но выделяли их только тогда, когда непосредственные учредители библиотек (уездные земства, волостные и сельские общества, частные лица и др.) набирали точно такие же средства (т. е. пятьдесят на пятьдесят)³⁶. Применительно к «сторонним» учредителям подобным образом нередко поступали и уездные земства. Вполне понятно, что на местном уровне набрать даже сравнительно скромную сумму в 100, 200 или 250 р. в расчете на одну библиотеку не всегда было возможным, а частные лица и волостные общества к тому же не хотели попадать в зависимость от земства. Еще более существенным было то, что подобная система совершенно не отражала истинной потребности в книге и чтении в той или иной волости и даже уезде и скорее тормозила развитие библиотечного дела, чем способствовала его развитию.

Наконец, можно отметить и тот факт, что среди дореволюционной интеллигенции не было единства по поводу того, как же следует приобщать народ к культурным ценностям: «Чтобы поднять народную массу до уровня интеллигентного общества, надо ведь и всю жизнь этой массы изменить в корне, и все мировоззрение ее пересоздать. Если бы такая ломка всей народной жизни и была возможна, то это дело очень и очень долгих годов. Но ведь за это время и общество не будет стоять на одном месте... Где же народу угнаться за ним? Если даже такая "погоня" и будет происходить, то народ не только не будет приближаться к интеллигенции, но все более отставать от нее. И в лучшем случае, он будет воспринимать литературу интеллигенции только через 50 или 100 лет после того, как интеллигенция забудет, окончательно сдаст в архив эту литературу. Ведь и "Бова Королевич", и "Битва русских с кабардинцами" принадлежали когда-то к литературе высших слоев. Но, скорее всего, что и этого не будет, и что народ получит из рук все тех же торгашей новую лубочную литературу, покрытую лоском кабацкой цивилизации, более пошлую и отвратительную, чем теперешняя лубочная литература. И это уже начинает осуществляться»³⁷. При этом, если для интеллигенции художественные произведения были своеобразной творческой лабораторией для конструирования различных смыслов, то простой народ требовал от книги абсолютной правды и немедленной практической пользы, нередко называя романы и рассказы «чепухой», которую читают только «в молодости», «от скуки» и «от нечего делать»³⁸. В результате фонды большинства народных библиотек носили компромиссный характер и представляли собой причудливую смесь, состоявшую из сказок, религиозно-нравственной литературы, исторических сочинений, ограниченного набора романов и рассказов русских и зарубежных писателей и довольно скромной подборки книг прикладного характера³⁹.

В наибольшей степени отсутствие единства во взглядах на народное чтение сказалось в таком вопросе, как рекомендация литературы. В данном случае можно говорить об осознании ответственности, падавшей на плечи библиотекаря: первые прочитанные произведения производили на простодушного читателя из народа поистине ошеломительный эффект, и весь вопрос заключался в том, что же попадало ему в руки. Так, если читателю попадалась религиозная книга, то он мог уйти странствовать или становился сектантом, а если научная, то это могло навсегда отбить интерес к чтению. Еще хуже дело обстояло с «пинкертоновскими» изданиями - в газетах фиксировался рост числа преступлений и самоубийств на почве чтения такой литературы⁴⁰. Как отмечалось в отчетах народных библиотек, того читателя, который начинал с Пинкертона, никакими силами нельзя было заставить взять другие книги - он как бы «застывал» на одном и том же уровне. В свою очередь, тот читатель, который начинал с рассказов Л. Н. Толстого, в дальнейшем мог охотно читать классическую литературу 41 .

Удачно или неудачно выбранная книга определяла отношение читателя к самой библиотеке, что в конечном счете влияло на число читателей⁴². Между тем общее положение дел в народных библиотеках оставляло желать лучшего. «Благодаря тому, что большинство библиотекарей книг своей библиотеки не знает, читателей своих не изучает, выполняет только механическую работу выдачи книг и записи их на карточки или в книги, библиотека у многих читателей не только не развивает интерес к книге, но убивает в них и тот начальный интерес, который привел их впервые в библиотеку;

более того – бессистемная выдача книг поселяет в головах читателей сумбур»⁴³.

Попытки библиотекарей наладить рекомендацию литературы и ограничить чтение авантюрно-приключенческих изданий обычно не оканчивались успехом: «Но в общем, как показывают наблюдения, эти отрицательные меры, эта борьба со злом редко оказывались действенными, в какой бы форме ни был представлен отказ (резкой, мягкой, просто отказ или совет). Раз сказавшееся стремление к определенному роду чтения пробьет себе, в большинстве случаев, дорогу к удовлетворению; и если кому библиотека приносит несомненно пользу, так это тем, кто сам явился в нее с хорошими или с неопределившимися еще стремлениями»⁴⁴. И действительно, немалая часть народа всегда полагала, что она и сама прекрасно знает, что ей читать, и уклонялась от бесед с библиотекарем или же и вовсе посылала в библиотеку за книгами своих детей. Попытки рекомендации литературы подчас приводили к тому, что часть читателей просто покидала библиотеку.

Опыт работы народных библиотек в целом убеждал в том, что индивидуальная рекомендация литературы, равно как и организация народных чтений и тому подобные меры, имели положительный эффект только тогда, когда они применялись постоянно, для этого требовались много времени и привлечение немалого числа дополнительных работников. Иначе говоря, результатов достигали те библиотеки, у которых имелись «добровольные помощники» (волонтеры), такое было возможно только тогда, когда библиотеку устраивало (или поддерживало) просветительное или библиотечное общество. Именно «отсутствие свободного лица, которое могло бы руководить чтением», нередко называлось в числе главных причин того, что деятельность народных библиотек, несмотря на материальную поддержку со стороны органов местного самоуправления, не развивалась и даже приходила в упадок.

Подводя общие итоги, можно отметить следующее.

1. Дореволюционные исследователи в целом затруднялись определить, какой именно фактор больше всего влиял на деятельность народных библиотек – политическая ситуация в стране, бытовые условия жизни народа, наличие рекомендации литературы в библиотеках или хороший состав фонда. Библиотекари сами должны были думать о способах привлечения читателей, поскольку ряд важных вопросов – как усилить влияние библиотеки, как

помочь читателю, как предоставить ему книгу в руки – не был разработан ни земствами, ни общероссийскими съездами, рассматривавшими вопросы школьного и внешкольного образования.

- 2. Библиотека оказывалась едва ли не самым уязвимым социальным институтом, зависевшим от различных внешних и внутренних факторов едва ли не больше, чем любые другие организации. В принципе, нельзя сказать, что у земств, равно как и у других учредителей общедоступных библиотек, совершенно не имелось информации об отношении населения к деятельности этих учреждений и о причинах их малой популярности. Однако что касается открытия библиотеки в конкретной местности, то здесь была полная неопределенность. Учредители народных библиотек обычно действовали методом проб и ошибок, т. е. открывали «в виде опыта» несколько библиотек и смотрели, что из этого получится. Нередко встречалась и выжидательная позиция, в точности соответствующая словам пословицы: Иван кивает на Петра, а оба вместе на Абрама. В этом отношении следует особо подчеркнуть роль учредителей-организаторов народных библиотек. Изначальная инициатива была важнейшим фактором в их истории - более важным, чем последующая принадлежность и источники финансирования. Это можно назвать и силой примера – в стране, в которой открытие общедоступных библиотек было новым и малоизученным делом, один учредитель буквально подталкивал заняться подобной работой многих других.
- 3. После долгих и безуспешных попыток борьбы с «легким» чтением деятели в области народного образования постепенно приходили к выводу, что в библиотеке должно быть умелое сочетание различных видов изданий. Опыт народных библиотек свидетельствовал о том, что попытки ограничить спрос на приключенческую литературу неизбежно вели к трансформации обслуживания читателей в борьбу с ними.

Примечания

- ¹ Пешехонов А. В. Из истории читателя: стат. заметка // Жизнь. 1899. № 6. С. 349–358.
- ² Вахтеров В. П. Сельские библиотеки // Сев. вестн. 1894. № 5. С. 1–19; № 6. С. 19–34; Ларский И. По следам современного читателя // Соврем. мир. 1911. № 2. С. 284–298; Т-6 И. Наши библиотеки и городской читатель // Пензен. гор. вестн. 1911. № 8. С. 15–18; № 9. С. 21–23.
- ³ Банк Б. В. Изучение читателей в России, XIX в. М., 1969. С. 207. См. также: Кривенко С. Н. На распутье: культ. скиты и культ. одиночки. Изд. 2-е. М., 1901. С. 138–139, 163, 267–268, 298–299, 301–302.

- 4 Жулев П. Современный читатель из народа // Рус. шк. 1912. № 9. С. 6–7.
- ⁵ Знаменская Е. Н. О постановке дела в народных библиотеках: докл. зав. отд. нар. образования Звенигород. зем. упр. // Первый общеземский съезд по народному образованию. М.,1912. Т. 2: Доклады. С. 1.
 - ⁶ Жулев П. Указ. соч. С. 8.
 - ⁷ Там же.
- ⁸ Абрамов К. И. История библиотечного дела в России: учеб.-метод. пособие для студентов, преподавателей и библиотекарей-практиков / МГУКИ. М., 2000. С. 108–109; Мезьер А. В. Из хроники библиотечного дела // Рус. шк. 1907. № 12. С. 39 (2-я паг.).
 - ⁹ Абрамов К. И. Указ. соч. С. 109.
- 10 Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: очерки по ист. чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991. С. 173; Жулев П. Указ. соч. С. 9.
- 11 Медынский Е. Н. Земство и внешкольное образование в 1914 г. // Учитель и шк. 1915. № 2. С. 16.
- ¹² Подробнее см.: Звягинцев Е. А. Правовое положение народных библиотек за 50 лет. М., 1916. 56 с.
- ¹³ Булгаковский Д. Г. Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования, 1895–1909 гг. СПб., 1910. С. 40.
- ¹⁴ Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 1. С. 551.
- ¹⁵ Фармаковский В. Деятельность Министерства народного просвещения в области начального народного образования в последнее десятилетие, 1894–1903 // Изв. по нар. образованию. 1904. Ч. 1, № 4. С. 52 (2-я паг.).
 - ¹⁶ Звягинцев Е. А. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁷ Там же. См. также: Правила о народных библиотеках при низших учебных заведениях Министерства народного просвещения: утв. 28 февр. 1906 г. // Циркуляр по Моск. учеб. окр. 1906. № 12. С. 812–814.
- ¹⁸ Чарнолуский В. И. Настольная книга по внешкольному образованию: полный сист. сб. законов, циркуляров, разъяснений Сената и справ. сведений: о б-ках, кн. торговле, о-вах и союзах... 2-е изд., совершенно перераб. СПб., 1913. Т. 1. С. 155–159.
 - ¹⁹ Звягинцев Е. А. Указ. соч. С. 45.
- 20 Медынский Е. Н. Внешкольное образование и местная администрация // Учитель и шк. 1915. № 3. С. 26–32.
- ²¹ Его же. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. СПб., 1913. С. 186.
- ²² Фонды народных библиотек из-за наличия каталогов Министерства народного просвещения были очень похожими и в 50–60 % случаев насчитывали меньше 500 книг. Еще примерно 30–35 % составляли библиотеки с фондом от 500 до 1 тыс. книг. Более крупных библиотек имелось очень немного.
 - ²³ Жулев П. Указ. соч. № 9. С. 10; № 10. С. 34.
- ²⁴ Статистический ежегодник Вятской губернии за 1899 г. Вятка, 1901. С. 209–214.
- ²⁵ Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. М., 1896. С. 70.
 - ²⁶ Соболев М. Метаморфоза // Кн. мир. 1908. № 18.

М. Ю. Матвеев

- С. 1–2; Разгром просветительных организаций: [Вят. ry6.] // Нар. учитель. 1908. № 2. С. 20–21; Мезьер А. В. Из хроники библиотечного дела // Рус. шк. 1907. № 12. С. 42 (2-я паг.).
- 27 Ковалевский Н. 3. По сельским библиотекам: путевые впечатления // Образование. 1902. № 4. С. 112.
- ²⁸ Внешкольное образование и дополнительные занятия со взрослыми как одна из его необходимых форм // Первый общеземский съезд по народному образованию. М., 1912. Т. 1: Доклады. С. 714.
- 29 Библиотечное дело в Уфимской губернии // Библиотекарь. 1915. № 1. С. 40.
- ³⁰ Абрамов Я. В. Очерки частной инициативы в деле народного образования в России. Ст. 5-я. Народные библиотеки, созданные частной инициативой // Рус. шк. 1891. № 5. С. 206.
- ³¹ Ветринский Ч. Пушкин и читатель из народа // Образование. 1900. № 1. С. 86.
- ³² Жукин А. Не велико дело, а прибыльно // Сел. вестн. 1887. № 20. С. 220–221.
- 33 Как относятся крестьяне к вопросу об устройстве народных библиотек // Рус. мысль. 1897. № 7. С. 80–98.

- ³⁴ Там же. С. 94.
- ³⁵ Машкин А. Сельские кооперативы и внешкольное образование // Для нар. учителя. 1908. № 17. С. 29–30.
- ³⁶ Ежегодник внешкольного образования / под ред. В.И. Чарнолуского. СПб., 1910. Вып. 2. С. 50–72.
- ³⁷ Ан-ский С. А. (Раппопорт С. А.) Народ и книга: опыт характеристики нар. читателя с прил. очерка «Народ и война». М., 1913. С. 39.
 - ³⁸ Там же. С. 67–72.
 - ³⁹ Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 174–175.
- ⁴⁰ Аграев Г. Недуг молодежи // Рус. шк. 1909. № 1. С. 107 (2-я паг.)
- ⁴¹ Абрамов Я. В. Хроника народных библиотек // Там же. 1901. № 10/11. С. 42 (2-я паг.).
- ⁴² Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд. СПб., 1895. С. 83.
- ⁴³ Бюллетени справочного бюро отдела народного образования Самарской губернской земской управы. Самара, 1914. Вып. 1. С. 6.
- ⁴⁴ Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. С. 41.